

Картина распыра с нашим театром была бы не столь выразительна, не оказалась в центре ее Раймонд Паулс. <...> Кто-то усадил в министерское кресло экстраординарного композитора. И он, как по нотам, разыграл то, что долгие не удавалось матерым аппаратчиками, — уничтожил театр. Что взамен Паулса — каждая новая слава или национальная идея? А может быть, не влада, что творит? Разбираться в этом небольшом удовольствии, но тема интересная. В различных вариациях и разными исполнителями она проигрывается и в России, и в Молдавии, и на Украине. В ней отзвук времени.

Еще недавно наш герой спорился подпитки. Белый скрининг и белый роль. <...> Паулс акадист как космонавт от летали. Летает высоко, но очень, очень близок. Его шлагеры звучали и в правительственных концертах, и в кабаках. Их мелодическая удобоваримость с легким прикусом западной раскованности постепенно вытеснила ламповую баямовую зыбкость. Эти песни стали музыкальным фоном тех советских лет, за которыми последовал полный распад.

Мастер минимостей

<...> Конеч шестидесятых. Ожидая очередного разгона в приемной министра. Секретарша шепнула, что сейчас на работе Паулс. Наконец вышел барбурый Раймонд — отрулили за гитарой в Чехословакии. Он возмущался зуростью министра.

Конеч шестидесятых. В тот же кабинет Паулс входит на правах чужака. И сразу послышались странные диалогички. Оказалось, новый министр во мущин — нахлебничеством людей искусства, ханит-де на жить за счет народа. <...> Анекдот анекдотом, но в списках популярных политических деятелей министр замечался на верхних строчках. Когда же по поводу «имгрантов» бросил: «Если им не нравятся, пусть уберутся в Пыталово», прочно утерпелся на первом месте. <...>

Может, Паулс устыдился малого количества патриотизма в себе? Вдруг осознал божье наличие? Как и большинство латышей, он и раньше не был чужаком этой бели. Везде другие — куда и во что она вылилась. <...>

Утопив в министерское кресло, он начал с грандиозных планов построить современный концертный зал, быстро реконструировать оперу и т. д. Но тут же столкнулся с реальностью — средств нет...

И кипучая деятельность начинания развивалась в совершенно другом направлении. Для создания сменился старостой к разрушению. Обещавший оперу с опереттой! Русскую труппу оперетты ликвидировать! Устроит учебный театр в здании, где ирвет латышская труппа Молодежного театра! Латышскую перенести в здание, где ирвет русская! А русскую труппу куда? Слить с театром Русской драмы! <...>

На какой основе происходит эта миничурная деятельность по скреживанию и слиянию? Она является, не впечатлениях от западной жизни. Вот латышский балетмейстер предлагает поставить спектакль за две недели, а наши вотеще мешажи...

К тому же он слышал, что в буржуазные театры каждую неделю давали премьеры, и этот факт будоражил его. Как-то он обильно, скоро инчиче реконструкция здания, в котором ирвет латышская труппа, и предоступ быстремка перенести спектакли в другое. Мое замечание, что для этого надо переделывать декорации, так как паре-

метры сцены другие, застало Раймонда врасплох. Каким чудом ему удалось так сохранить-ся, постоянно сотрудничая с театрами? <...>

Следует принять, что по-своему Паулс феноменален. Он — мастер минимости. Как режиссера меня восхищала его способность иронически улыбасться, держать паузы, произносить впечатлительные, что он знает больше, чем говорит. Он достаточно умен, чтобы не вступать в серьезный разговор, способный об-

Адольф Шапиро был главным режиссером Рижского молодежного театра ровно тридцать лет. В 1992 году письмом к властям независимой Латвии с просьбой сохранить театр подписали Екатерина Максимова, Мария Биешу, Галина Волчек, Владимир Васильев, Олег Ефремов, Иннокентий Смоктуновский, Александр Калган, Сергей Юрский... (всего 194 подписи). Тщетно

Раймонд Паулс театр ликвидировал



МАЗЕСТЬЮ

наружить его подлинное знание, и умело переводит таковой в тон светской беседе, устанавливая контакт, в подтексте которого столь короткое понимание собеседниками проблемы, что и обсуждать не стоит. Несмотря на неоднократные попытки, мне ни разу не удалось всерьез поговорить с ним о театре. В результате подлинное его намерения открылись тогда, когда уже ничего нельзя было противопоставить им.

Тридцать первого собрание — таким известным артисткой меня в театре. Какое собрание? Кто назначил? Директор ничего не знал. Позвонили и сообщили — министр назначает собрание. «Повестка дня?» — по-комсомо-

обязывая о том, что труппа через несколько месяцев должна покинуть помещение. Вопрос: «Куда?» Ответ: «Не знаю». <...> «А почему, пока не подыщут помещение, где труппы не могут работать в одном здании?» Не моргнув: «Там будет ремонт». Ропот: «А где же тогда будет латышская труппа?» <...> Раймонд все больше и больше запутывался. <...> Говорили другие. Гневно. Возмущенно. В основном актеры из латышской труппы. Это-то и вызвало у министра неслепотное раздражение. Он ретировался из театра, заявив, что есть ничего не решение, в через несколько часов — выступил по радио с «экстренным сообщением» о сокраще-

«Для постановки в театр были приглашены декораторы и музыканты из других республик. Не исключено, что именно поэтому спектакль обошелся театру так дорого: декорации, наряды, сделаны из ужасающе дорогого материала».

«Такого театра вообще нет. Шапиро поставил несколько экспортных спектаклей, в которых не было латышского духа».

«В Латвии достаточно много один русский театр, занимающий русскую аудиторию с произнесенными латышскими авторами».

Оставалась единственная возможность прорвать блокаду — самим организовать пресс-

презентация латышей, а в Москве все не находилось документ, по которому из страны происходила к другой. Обещан писки приказ № К-117 подписан 16 апреля 1992 года <...>

Без обратного адреса

Есть болевой порог. Наверное, и порог способности удивляться.

Звонок с пожеланием поскорее «браться» Письмо с угрозами! Принять перешел на другую сторону улицы? Не в первый раз, не обращать внимания, пережидать.

Что действительно поразило — одно анонимное письмо.

Потому что было... хвалебным. Автор, писавший по-латышски, несомненно, хорошо знал театр. Вспоминал спектакли, благодарил и желал мужества. При этом ни слова, что он и где живет.

Эту хвалебную анонимку я хранил в память об удивительных днях.

Если бы лет десять назад меня спросили, как будет вести себя тот или иной человек, в большинстве случаев ошибся бы. Попадаясь, как Гунарс Приедис, никогда не забывавший поздравить с праздником, даже не поздравил А Янис Петерс, несмотря на послесловный пост, выступил в защиту театра <...> А Виктор Авотиньш, который не был напрямую связан с театром, не переводил, не писал для него, вливался в драку, придет на закрытые театры и не считался с комментаторными собраниями, произнесет в тот вечер слова единственные и точные: «Это, безусловно, не только большая потеря в культурной жизни, но и удар по авторитету государственной политики Латвийской Республики».

По тем временам это было слабо. Голос Вилмы Белшевицы я слышал лишь однажды, но рассуждала по радио о колониальных мотивах у Пушкина и Лермонтова. <...>

В те дни московской приятельнице позвонили подруга. На вопрос: «Что же у вас происходит?» — рижичка сказала: «Ты не понимаешь одного, что бы ни происходило, кто бы ни был жертвой — Латвия должна пройти через национальную идею». Побовное было во времена Гамсзурдана, грузинский коллега сказал мне: «Мы должны через это пройти».

Оказалось, интеллигентная женщина обладает эффектом расширения плечей. Делавшая среднюю, наполненную атмосферой национальной исключительности, оказалось сильнее коммунистического жима. До чего тонкая это вещь — национальное самосознание! Вот надумавший шарик, он растет красивым и легким, сейчас полетит, но чуть-чуть переусердствует и — беш! — с треском лопается. От



Из спектакля Рижского молодежного театра «Чукоккала». Режиссер — Адольф Шапиро. «Торжество игры, праздник детства и праздник театра...» — писали об этом спектакле рецензенты после московских гастролей

мольски спросил я. Не сказали. <...> Зато стало известно, что министр вызвал руководство театром Русской драмы и «конфиденциально» сообщил о решении ликвидировать нашу русскую труппу, интересовался, возьмут ли они нескольких актеров <...>

«Раймонд, ты понимаешь, что ты сейчас совершаешь против латышского театра, против нашего искусства?» — первая женщина Ашл Зайце. Такого он не ожидал. На что же рассчитывал,

ни части труппы, дипломатично умоляла, какой именно. А через два дня в газете «Дiena» вышло: «Моя говорит о прекращении. Молодежный театр собирается ликвидировать». И дальше: «Нам вполне хватит одного русского театра» <...>

В том же интервью министр заявил: «Шапиро живет, как бляк в масле, и пользуется благами Латвии».

Развернувшаяся самая обычная охота на ведьм. Премы и лекции ошарашивали.

конференцию. Она длилась два часа... К концу на сцену поднялся Валентин Маулевич. Как председатель ассоциации режиссеров Латвии он выразил возмущение действиями министерства и потребовал от Паулса публично принести извинения за оскорбления театра и меня. И неожиданно обратился к залу: «Я прошу всех латышей, представителей творческой интеллигенции, вспомнить эпиграф к роману Хемингуэя «По ком звонит колокол» и Ушул.

был откровенно жалким латышом. От светлой идеи национально-патриотической до темной, латышской идеи единства с латышскими латышскими атмосферами.

Рука Лиги Виденице

Мажуро Паулс уже не министр. Свое дело сделал и на новый виток он не поворачивался. Это трудно было предугадать.

В политике что-то можно предвидеть, что как раскрываются лады в необычной ситуации — лады. Хотя эта непрелазкуемость приносит не только огорчение. Иногда дарит и бесценные вещи. К ним относится поступок нашей актрисы Лиги Виденице.

Ее интервью передали многие агентства мира. «Мне иногда кажется, что Латвия находится не в Восточной части Европы, а в глубинах Гренландии, или же она является нежитным островом где-то между Африкой и Южным полюсом». Мы возвращаемся на двадцать, тридцать, пятьдесят лет назад, к той исходной точке, с которой начинали. Чем глубже я вникаю в это, тем сильнее становлюсь. Пусть прощит меня народ, но, что это — правда, русская с вопроса гражданства и кончая политикой и экономикой, окрашивается в коричневые тона. Пока очень легкие. Я не хочу сказать, что через пару лет здесь будут концентрироваться лагери и мы будем маршировать с подбитыми русскими ямы ввиду уровня застенчатной культуры, взаимоотношения между ладами».

На курсе Лига не была на первом ролях. И в театре жила с ощущением, что она не в любовниках. Поэтому, когда началось брожение, я предполагала, что ее, как говорится, занесет <...> Занесло... но — в другую сторону. Мне она вообще ничего не сказала. Кто-то спросил: «Пिता ли во вчерашней газете?». Тогда-то я и вправилась...

Един во всех лицах

В «Трех сестрах» герои засыпают во время пожара <...> Когда горел наш театр, я тоже отключался. И как Трубецкой киринский заволокся, во мне появилось нечто нового начала. В те дни довелось примерить на себя повешение всех чеховских персонажей. Бродил растерянный, как Феранто, плохо понимая происходящее. Попадали на Вершинину, лихорадочно упорывавшего окружающего, что будущее прекрасное, и на разваленьюх охотников-революционистов Ирины, Старика, как Ольга, сосредоточенные на конкретных делах по помощи потерпевшим. А порой, как Маша, восклицал: «Эх-ма, жизнь латышская, где наша не пропадала». Проявлял кулуарское смирение в надежде сохранить хоть что-то и, как старая Федосья, шептел при мысли: «Куда я теперь поеду?» То хотелось каяться, то отвечать на вопль: «В Москву! В Москву! В Москву!» Но чаще всего ощущал отчаянную радость Федотки, враг освобождающийся от всего бремена: «Век потропел, все мне не отложилось».

Позднорелигиозная несостоятельность не поощала меня. <...> По сути я уже не руководил театром, а демонстрировал, как должен держаться капитан, когда корабль тонет. Давыдовская это штука. Дать ощущение полноты жизни. Одна страсть довести себя до предела. Делавшая среднюю, наполненную атмосферой национальной исключительности, оказалось сильнее коммунистического жима. До чего тонкая это вещь — национальное самосознание! Вот надумавший шарик, он растет красивым и легким, сейчас полетит, но чуть-чуть переусердствует и — беш! — с треском лопается. От

© Адольф ШАПИРО